

ность суда и лиц, участвующих в деле. Будучи в неразрывной связи с ними, он играет роль одного из необходимых условий надлежащей реализации всех принципов административного процесса. Значение принципа процессуальной экономии административного судопроизводства состоит в том, что он обеспечивает правильное и своевременное разрешение административным судом своих задач в короткие сроки при минимальном использовании средств как суда, так и участников публично-правового спора. В связи с вышеизложенным считаем целесообразным закрепление принципа процессуальной экономии в действующем административно-процессуальном законодательстве путем внесения соответствующих изменений в раздел 1 КАС Украины.

Список использованной литературы:

1. Стефанюк В.С. Судовий адміністративний процес : монографія / В.С. Стефанюк. – Х. : Консум, 2003. – 464 с.
2. Основи адміністративного судочинства та адміністративного права : навч. посібник / за заг. ред. Р.О. Куйбіди, В.І. Шишкіна. – К. : Старий світ, 2006. – 576 с.
3. Миколенко А.И. Административный процесс и административная ответственность в Украине : учеб. пособие. – Изд-е 2-е, доп. – Х. : Одиссей, 2006. – 352 с.
4. Бондарчук С.А. Принципи адміністративного судочинства України: автореф. дис. на здоб. наук. ступеня канд. юрид. наук : спец. 12.00.07 / С.А. Бондарчук ; Харківський національний університет внутрішніх справ. – Х., 2010. – 19 с.
5. Рожнов О.В. Принцип оперативности в гражданском процессуальном праве : автореф. дис. на соиск. науч. степени канд. юрид. наук : спец. 12.00.03 / О.В. Рожнов ; Национальная юридическая академия им. Ярослава Мудрого. – Х., 2000. – 20 с.
6. Тихонович В.В. Принцип процессуальной экономии в советском гражданском процессуальном праве : автореф. дис. на соиск. науч. степени канд. юрид. наук / В.В. Тихонович ; Белорусский государственный университет им. В.И. Ленина. – Минск, 1975. – 28 с.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ ТОЛКОВАНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ НОРМАТИВНЫХ ДОГОВОРОВ

Наталья ЗАБОЛОТНАЯ,

ассистент кафедры гражданского права и процесса
Учебно-научного института права и психологии
Национального университета «Львовская политехника»

Summary

The attempt to identify some of the features of the legal drafting methodology of interpretation of constitutional and international treaties is made in this article. It is established that the legal drafting methodology of interpretation of constitutional treaties provides an application of objective methods, which affect directly on such methods of interpreting as teleological and dynamic interpretation. It is discovered that the methods and legal remedies of interpreting of international treaties in the most general form are regulated, but they can be developed in the practice of interpreting of individual treaties for the purpose of making a practical relevance and effectiveness of their provisions.

Key words: legal drafting methodology of interpretation, constitutional treaty, international treaty, methods of interpreting of the treaties, legal remedies of interpreting of the treaties.

Аннотация

В статье сделана попытка выявить некоторые особенности юридической техники толкования конституционных и международных нормативно-правовых договоров. Установлено, что юридическая техника толкования конституционных договоров предусматривает использование объективных методик, находящих свое непосредственное проявление в таких способах интерпретации, как телеологический и эволюционный. Особенность же техники толкования международных договоров видится автором прежде всего в том, что средства и способы их толкования в наиболее общей форме регламентированы, однако могут развиваться в практике толкования конкретных международных договоров с целью предоставления положениям последних практической значимости и эффективности.

Ключевые слова: юридическая техника толкования, конституционный нормативно-правовой договор, международный нормативно-правовой договор, способы толкования нормативно-правового договора, средства толкования нормативно-правового договора.

Постановка проблемы. Нормативно-правовые договоры применяются для регулирования общественных отношений на международном и национальном уровнях. В частности, из-за этого не может быть одинаковой юридической техники их толкования в каждом конкретном случае. Однако подход к их толкованию – как наиболее общий и глубочайший уровень в структуре юридической техники – должен оставаться неизменным.

Содержание любого нормативно-правового договора подлежит истолкованию так, чтобы в нем нашли отражение и субъективное, и объективное значения его положений. Также для толкования всех нормативно-правовых договоров присущи такие принципы, как невозможность толкования наперекор явно выраженной воле одной из его

сторон и их равенство (воля каждой из сторон является одинаково важной для содержания нормативно-правового договора, даже если такая воля противопоставляется воле большинства сторон). Указанное не исключает, что некоторым разновидностям нормативно-правовых договоров вследствие многолетней общественной практики присущи особые средства и способы толкования.

Состояние исследования проблематики. Некоторые проблемы темы нашли достаточное отражение в работах А. Демина, О. Йоффе, А. Мясина, О. Мережко, В. Нерсеянца, Ф. Тарановского (теория и история нормативно-правового договора, его особенности как источника права), В. Иванова, Н. Пархоменко, Ю. Фрицкого (проблематика нормативного

договора в конституционном праве), С. Восканова, Г. Галущенко, Е. Назаренко, В. Репецкого (проблемы международного договорного регулирования), Ю. Горшеневой, Ж. Завальной, С. Скворцова (теория административного договора, административно-правовое регулирование договорных отношений), Г. Рыбницкого, Г. Хныкина, Е. Ершовой (теория коллективного договора, локальные источники трудового права), С. Алексеева, Т. Кашаниной, Ю. Кулаковой, Л. Луць, Л. Пригары, О. Скакун (проблематика юридической техники вообще и нормативно-правовых договоров в частности), Е. Васюковского, В. Гончарова, М. Гредескула, В. Лазарева, П. Недбайло, А. Пиголкина, П. Рабиновича, А. Черданцева, Г. Шершеневича (общая теория толкования юридических норм). Однако не все особенности юридической техники толкования отдельных видов нормативно-правовых договоров были в Украине объектом общетеоретического исследования.

Целью статьи является раскрытие некоторых особенностей юридической техники толкования конституционных и международных нормативно-правовых договоров.

Изложение основного материала. Конституционные договоры представляют повышенный интерес, учитывая тот факт, что урегулированные ими общественные отношения отличаются особой важностью – это, как правило, отношения, непосредственно связанные с основами государственного и общественного строя. При этом конституционно-правовые договоры часто являются договорами компетенционными и служат средством решения политико-правовых конфликтов фундаментального уровня.

Юридическая практика в Украине знает пример такого вида договора. Речь идет о Конституционном договоре между Верховной Радой Украины и Президентом Украины об основных принципах организации и функционирования государственной власти и местного самоуправления в Украине на период до принятия новой Конституции Украины, заключенном 08.06.1995 г. (далее – Конституционный Договор). Его заключением противостояние между сторонами не было исчерпано, а перешло в новую плоскость – плоскость официального толкования. Краеуголь-

ным камнем конфликта стал, в частности, вопрос о назначении и увольнении Генерального прокурора Украины.

Согласно ст. 44 Конституционного Договора Генпрокурор Украины назначался на должность и освобождался от должности Верховной Радой по представлению Президента. 14.07.1995 г. парламент Украины принял постановление «О толковании ст. 44 и п. 19 ст. 17 Закона «О государственной власти и местном самоуправлении в Украине» (одобренного Верховной Радой Украины 18 мая 1995 г.)». В постановлении предоставлялось официальное толкование положений п. 1 ст. 17 ч. I, ч. II Конституционного Договора и п. 19 ст. 97 Конституции Украины. Было установлено, в частности, что освобождение от должности Генпрокурора осуществляется Верховной Радой по представлению Президента Украины, только если Генеральный прокурор был назначен на должность по представлению последнего.

В постановлении Верховной Рады «Об обращении к Президенту Украины в связи с Указом Президента Украины от 1 июля 1995 г. № 503/95» в тот же день отмечалось, что выполнение обязанностей Генпрокурора возложено на народного депутата Украины Г. Васильева.

09.08.1995 г. Президент Украины выдал Указ «Об обеспечении соблюдения положений Конституционного Договора между Президентом Украины и Верховной Радой Украины «Об основных принципах организации и функционирования государственной власти и местного самоуправления в Украине на период до принятия новой Конституции Украины». В Указе отмечалось, что указанные постановления были приняты Верховной Радой с превышением ее полномочий и с нарушением Конституционного Договора, поскольку Верховная Рада предоставила толкование соответствующих положений Закона «О государственной власти и местном самоуправлении в Украине», только одобренного 18.05.1995 г., но не введенного в действие. К тому же в абз. 4 Указа отмечалось: «Верховной Радой Украины фактически дано толкование положений Конституционного Договора, заключенного между двумя его сторонами, что не имеет права делать любая из сторон Договора в одностороннем порядке».

С одной стороны, предлагаемый в Указе аргумент кажется очевидным. Действительно, сторона договора не имеет права выдавать интерпретационный акт, который мог бы юридически связать другую сторону. В противоположном случае сомнению поддается сама сущность договорных отношений. С другой стороны, действия Верховной Рады Украины все же нельзя квалифицировать как произвольные, ведь согласно п. 19 ст. 96 действующей на то время Конституции Украинской ССР толкование Конституции и законов осуществлялось именно Верховной Радой, а другого уполномоченного на это субъекта не было.

Приведенное дело является единственным в национальной юридической практике Украины примером официального толкования конституционно-правового договора. Очевидно, оно не может быть использовано для обоснования закономерностей правоинтерпретационной техники, поскольку закономерность предусматривает повторяемость событий, явлений или процессов, которой в этом случае нет.

Однако в практике зарубежных судебных инстанций примеры толкования конституционных договоров имеют место чаще. Например, в Российской Федерации 31.03.1992 г. был заключен Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти РФ и органами власти суверенных республик в составе РФ (далее – Договор).

Одно из дел относительно толкования положений этого Договора в свое время рассматривалось Конституционным Судом РФ. В нем речь шла о том, что п. 3 ст. 3 Договора предусматривал, что земля и ее недра, воды, растительный и животный мир являются достоянием (собственностью) народов, проживающих на территории соответствующих республик, и что статус федеральных природных ресурсов определяется по взаимной договоренности федеральных органов госвласти РФ и органов госвласти республик в составе РФ. По мнению правительства Республики Карелия, в силу этих положений и основанного на них Соглашения о разграничении государственной собственности между РФ и Республикой Карелия от 26.05.1993 г., заключенного

Советом Министров – правительством РФ и Советом Министров Республики Карелия, лесной фонд, расположенный на территории последней, находится в ее собственности, и поэтому она имеет право самостоятельно решать, какие объекты лесного фонда передавать в собственность РФ, а какие относить исключительно к собственности Республики Карелия (Постановление Конституционного Суда РФ от 09.01.1998 г. № 1-П по делу о проверке конституционности Лесного кодекса Российской Федерации). Конституционный Суд РФ в указанном деле установил разногласие в регулировании общественных отношений вышеупомянутым Договором и Конституцией РФ и признал действующими положения Лесного кодекса РФ как соответствующих Конституции.

Анализ предлагаемого решения Конституционного Суда РФ свидетельствует о том, что положения Договора не были, так сказать, предметом особого внимания, учитывая их понятность, с одной стороны, и нерелевантность – с другой (ведь настоящий Договор не вошел в состав Конституции РФ). Таким образом, он разделяет один и тот же предмет регулирования с актом высшей юридической силы, и в противоречивых ситуациях «чаши весов» склоняются в сторону последнего. Как кажется, в практике РФ доминируют попытки использования положений конституционных договоров не как предмета, а скорее как средства толкования Конституции РФ (например, Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.1997 г. № 12-П по делу о толковании содержащегося в ч. 4 ст. 66 Конституции РФ положения о вхождении автономного округа в состав края, области).

Весьма рельефной для нашего исследования является практика Европейского суда справедливости (далее – ЕСС), поскольку, как известно, его профильной деятельностью является толкование и применение международных договоров, имеющих квази-конституционный характер – устанавливающих основы правового режима в Европейском Союзе (далее – ЕС) и регулирующих принципы отношений между руководящими органами ЕС и органами государств, входящих в его состав.

На основе обобщения практики ЕСС исследователи установили, что

среди способов толкования в практике этой судебной инстанции чаще всего встречаются такие, как буквальное (по др. терминологии – филологическое), системное, логическое и историческое [1, с. 537–560]. Интересно, что ЕСС в большинстве случаев отбрасывает приемы исторического толкования, направленные на отыскание заложенной в правоположении воли договорных сторон (это крайне нетипично, скажем, для практики толкования международных договоров), а также используемые при этом средства. Как пишет Д. Ицкович, в ряде дел ЕСС шел наперекор воли государств-участниц, воле национальных правительств, принимая решения, будущие весьма непопулярными среди большинства национальных политических элит и выходящие за намерения составителей договоров о создании ЕС. Основанием для отклонения от первичных намерений договорных сторон служило то, что ЕСС не может полагаться на неопубликованные документы, не являющиеся, таким образом, доступными для широких масс [1, с. 553, 554].

Интересно обдумать, почему при толковании конституционных договоров настолько большое значение приобретают объективистические методики толкования, почему так мало зависит от намерения сторон. Как кажется, ориентация на волю сторон обусловлена тем обстоятельством, что эффективное функционирование нормативно-правового договора может быть поставлено под сомнение, когда его толкование не оправдывает ожиданий сторон и не только превышает заложенную в правоположении волю, но и противоречит ей. Иными словами, если толкование договора не удовлетворяет стороны, то они могут настоящий договор расторгнуть. Однако конституционный договор является чем-то большим, нежели просто способ распределения компетенции госорганов. Его признаком является то, что он закладывает основы государственного и общественного строя, отмечается повышенной стабильностью, а потому отказ от него является сложнейшим. *Конституционный договор по своей природе должен превосходить намерения сторон подобно тому, как содержание конституции идет дальше намерений «родителей» ее текста.*

Поскольку конституционным договорам, как правило, присущ осложненный механизм внесения изменений, при осуществлении интерпретации таких договоров возрастает роль эволюционного толкования. П. Рабинович пишет: «Охрана любой конституции осуществляется по двум направлениям: охрана ее текста и охрана ее социальных функций. В Украине первое направление непосредственно обеспечивается определенными положениями самой Конституции, прежде всего – устанавливаемыми осложненный по сравнению с другими законами порядок внесения в нее текстуальных изменений (это, так сказать, внутриконтитуционная самозащита). Второе же направление реализуется в значительной мере через сохранение, поддержание ее функциональной дееспособности» [2, с. 5]. Это соображение, как можно увидеть, актуально также и относительно конституционного договора.

Нужно принимать во внимание и тот факт, что большинству конституционных договоров присущ ярко выраженный *программный характер*. В самом деле, конституционные договора, как правило, направлены на достижение определенной стратегической цели, из чего закономерно вытекает повышенная потребность в их телеологическом толковании. На первый взгляд может показаться, что телеологическое толкование применимо в той же мере и к другим источникам права. Например, конституция, как и конституционный договор, также является своего рода программным документом, и целевое ее толкование необходимо. Но телеология, так сказать, пронизывает не всю конституцию. Существует немало ее положений, действительное содержание которых может быть установлено и без обращения к телеологическому способу толкования (т. е. обращение к нему, конечно, возможно, однако часто не является необходимым). Для конституционных же договоров телеологическое толкование необходимо почти всегда.

Техника толкования международных договоров является проблемой, которая издавна обсуждается в юридической литературе. Такое внимание исследователей является отнюдь не случайным и не чрезмерным, ведь суверенные государства – первичные

игроки на международной арене, – как правило, очень деликатно относятся ко взятым на себя обязательствам, а поэтому не заинтересованы в том, чтобы во время толкования договора из него вычитывалось что-то такое, под чем они не подписывались.

В связи с многообразием международных договоров и сфер их применения было бы неправильно утверждать, будто существует единственная техника их толкования. Скорее существует техника общая, что не исключает необходимости в формировании специальных техник.

Одна из особенностей техники толкования международных договоров состоит в том, что порядок, способы и средства их толкования в общей форме регламентированы Венской конвенцией о праве международных договоров 1969 г. (далее – Венская конвенция). Ею установлено, что любой договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора (ч. 1 ст. 31).

Венская конвенция также предусматривает, что контекст договора (то, что подлежит толкованию) охватывает его текст, преамбулу, приложения, а также любое соглашение или документ, касающийся договора и принятый в качестве относящегося к нему (ч. 2 ст. 31). Рядом с контекстом должны учитываться любое последующее соглашение между участниками относительно толкования договора или применения его положений; последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования; любые соответствующие нормы международного права, применяемые в отношениях между участниками (ч. 3 ст. 31). Все эти средства толкования могут быть квалифицированы как *основные*.

Венская конвенция устанавливает, что в случае, если сомнения в содержании договора остаются после анализа контекста, возможно обращение к дополнительным средствам толкования (ст. 32), в том числе к подготовительным материалам и к обстоятельствам заключения договора. Эти средства могут быть квалифицированы как *дополнительные*.

Среди проблем, касающихся юридической техники толкования между-

народных договоров, выделяется блок, посвященный практике толкования Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее – Конвенция) Европейским судом по правам человека (далее – ЕСПЧ). Интерес отечественной науки к обозначенному сюжету был значительно усилен принятием Закона «О выполнении решений и применении практики Европейского суда по правам человека» от 23.02.2006 г., признавшем в ст. 17 практику ЕСПЧ источником права в Украине.

В практике этого международного учреждения используется разветвленная система средств толкования. К *необходимым основным* средствам толкования можно отнести текст Конвенции и протоколов к ней, а также Венскую конвенцию. Ссылка на последнюю в решениях ЕСПЧ встречается довольно часто (например, решения в делах «Mamatkulov and Askarov v. Turkey» от 04.02.2005 г., «Blecic v. Croatia» от 08.03.2006 г., «Catan and Others v. the Republic of Moldova and Russia» от 19.10.2012 г.). Использование правил толкования, зафиксированных в Венской конвенции, большей частью осуществляется в непровозглашенной, имплицитной форме.

К *необходимым дополнительным* средствам толкования Конвенции в практике ЕСПЧ можно отнести такие: прецедентное право самого суда в части решения аналогичных или смежных вопросов правотолкования; подготовительные материалы; обстоятельства заключения Конвенции, протоколов к ней; законодательство и судебную практику государств-участниц Совета Европы; действующее международное право; право международных организаций; толковые словари английского и французского языков; правовые нормы в государствах, не входящих в состав Совета Европы (конечно, далеко не все документы, которые ЕСПЧ анализирует в своей деятельности и на основе которых выносит решения, могут влиять на процесс интерпретации положений Конвенции, такое влияние могут осуществлять исключительно *релевантные* источники). Все эти документы могут лечь в основу содержания, выведенного ЕСПЧ из положений Конвенции.

Интересно, что ЕСПЧ (в отличие, скажем, от Конституционного Суда

Украины) старается не использовать в своих решениях факультативные и доктринальные средства толкования. Возможно, он исходит из соображений, аналогичных к приведенным выше соображениям ЕСС, а именно, что при толковании договора нельзя использовать средства, не имеющие прямого отношения к тексту, который толкуется, а также не известные широкой массе.

Практике ЕСПЧ известны все традиционные *способы толкования* [3, с. 50–105]. Однако учитывая программный характер Конвенции, приоритет отдается ЕСПЧ не столько филологическому, системному и историческому способам толкования, сколько телеологическому и эволюционному. Именно эти способы являются залогом того, что права человека с помощью интерпретации ЕСПЧ становятся практическими и эффективными.

Если филологический, системный и исторический способы толкования применяются «консервативно настроенным» судом, преследующим цель не выводить из текста права и обязанности, не вложенные в него сторонами, то толкование телеологическое и эволюционное являются проявлениями, так сказать, судебного активизма – судебской идеологии, пропагандирующей активное участие судебной ветви власти в общественной жизни.

Очевидно, что «активизм» ЕСПЧ имеет определенные границы. С одной стороны, Конвенция не является обычным международным договором, который может быть более или менее легко денонсирован сторонами, если практика его толкования идет вразрез с их намерениями, вложенными в нормативные положения этого договора. Поэтому ЕСПЧ может использовать «активные» методы толкования Конвенции, опосредующие ее эффективность и динамизм. С другой стороны, Конвенция остается договором, вследствие чего пренебрежение намерениями его авторов может предопределять если не денонсацию, то по меньшей мере игнорирование практики ЕСПЧ. Предполагаем, что именно соображения такого рода легли в основание решений ЕСПЧ в делах «Johnston and others v. Ireland» от 18.12.1986 г., «Lautsi v. Italy» от 18.03.2011 г. и некоторых других.

Выводы. Проведенное исследование дало возможность установить,

что юридическая техника толкования конституционных договоров предусматривает использование объективных (творческих) методик, находящихся свое непосредственное проявление в таких способах интерпретации, как телеологический и эволюционный.

Особенность же техники толкования международных договоров состоит прежде всего в том, что порядок, средства и способы их толкования в наиболее общей форме регламентированы Венской конвенцией. Однако конкретные такие юридические средства и способы могут развиваться в практике толкования международных договоров с целью предоставления положениям последних практической значимости и эффективности для регулирования отношений в соответствующих социально-исторических условиях.

Список использованной литературы:

1. Itzcovich G. The Interpretation of Community Law by the European Court of Justice / G. Itzcovich // German Law Journal. – Vol. 10. – № 5. – P. 537–560.

2. Рабінович П. Конституція України як «живий інструмент» (у світлі офіційного перетлумачення її положень) / П. Рабінович, В. Гончаров // Юридичний вісник України. – 2011. – № 23 (831). – С. 5–6.

3. Рабінович П.М. Особливості тлумачення юридичних норм щодо прав людини (за матеріалами практики Європейського суду з прав людини) / П.М. Рабінович, С.Є. Федик // Праці Львівської лабораторії прав людини і громадянина НДІ державного будівництва та місцевого самоврядування Академії правових наук України / редкол. : П.М. Рабінович (гол. ред.) та ін. – Львів : Астрон, 2004. – 171 с.

ВЫБОР НАДЛЕЖАЩЕЙ ФОРМЫ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОГО АКТА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ

Юлия ЗАПЛОТИНСКАЯ,

аспирант кафедры теории и философии права
Львовского национального университета имени Ивана Франко

Summary

Choice of form of governmental legal acts is researched in this article based on the example of former-soviet states. The author teases out two main stages in the process of the act's form selection: decision to adopt an act within own competence or to initiate its adoption by another body and proximate choice of the form in accordance with its authority. Moreover, the author analyses the most widespread mistakes made during this process, including adoption of legal normative acts regulating organizational matters and vice-versa, approval of self-sufficient legal acts by other ones. As a consequence, possible ways to diminish negative tendencies in a given sphere are offered.

Key words: form of legal act, government, authority, competence, rulemaking technique.

Аннотация

В данной статье рассматривается проблема выбора формы нормативно-правовых актов правительств на примере постсоветских государств. Автор выделяются две основные стадии процесса определения формы акта: решение принимать акт в рамках собственной компетенции или инициировать его принятие другими субъектами, а также непосредственный выбор формы в соответствии со своими полномочиями. Кроме того, автор проводит анализ наиболее распространенных ошибок, при этом совершаемых, в том числе принятие нормативных актов по организационно-распорядительным вопросам и, наоборот, утверждение одних самостоятельных актов другими. В результате предлагаются пути искоренения негативных тенденций в данной сфере.

Ключевые слова: форма нормативно-правового акта, правительство, полномочия, компетенция, правотворческая техника.

Постановка проблемы. Выбор правильной формы нормативного акта является залогом эффективности правового регулирования, а также мерилем роли и места правовых норм в правовой системе государства. Правильность выбора формы акта имеет большое значение, так как его ошибочность может привести к недейственности или же неправомерности соответствующего акта [5, с. 95]. Вопрос формы нормативно-правового акта изучается и с точки зрения теории права, и с точки зрения юридической техники. К сожалению, последняя в основном лишь вскользь касается предмета нашего исследования. Кроме того, недостаточно внимания уделяется изучению практики выбора формы акта, а также ошибок, при этом допускаемых. В то же время именно рассмотрение данной проблемы в ракурсе правотворческой техники имеет важное прикладное значение и отображается как на качестве принимаемых актов, так и на эффективности правового регулирования. Таким образом, существует как

теоретическая, так и практическая потребность в более детальном исследовании этого вопроса.

Актуальность темы исследования. Корректность подбора формы акта, в который облекается нормативно-правовое регулирование, прямым или косвенным образом сказывается на его эффективности. Таким образом, этот исходный этап процесса правового регулирования требует должного анализа и изучения. Представляется оправданным более детально рассмотреть вопрос выбора формы акта на примере правительства. Во-первых, правительство (совет или же кабинет министров или непосредственно правительство) является высшим органом государственной исполнительной власти, и его правотворчество является наиболее важным среди вертикали органов, а также примером правового регулирования. Во-вторых, этот выбор является более регламентированным и ограниченным рамками закона.

Состояние исследования. Форма нормативно-правового акта, а также вопрос ее выбора изучался многими